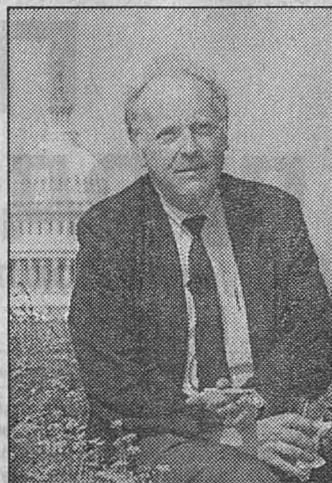

Ворочаться в постели приятней, чем стоять на пьедесталах

Известия. — 1996. — 25 мая. — с. 6

Иосиф БРОДСКИЙ

Сергей КРАЮХИН, «Известия»

Впервые день рождения Поэта — без него. Но с его стихами и с книгами — о нем. Одна из них, «Неизвестный Бродский», написана, но пока не издана — петербуржцами Владимиром и Натальей Евсеевыми. «Я и Бродский» — तो роятся выговориться после ухода Поэта многие, но не всякому, наверное, дано на это божественное право. Евсееву — дано.

Он и Бродский были участниками литературного объединения при газете «Смена», из которого будущего Нобелевского лауреата изгнали за то, что он на одном вечере вместо согласованного с райкомом стихотворения «Еврейское кладбище» прочитал крамольные, с точки зрения литчиновников, стихи о Пушкине.

«Евсеев — петербургский Моцарт, его проза лучше, чем я знаю за многие десятилетия», — сказал Сергей Довлатов, познакомившись с рукописью «Погони» — первой части романа «Зомби». Редактируя эту рукопись, Довлатов тогда еще не знал, что были закрытые постановления ЦК, запрещавшие в принципе говорить о феномене «зомбирования». Автор, обратившийся к этой крамольной теме, неминуемо обрекал себя на возможные репрессии. «Погоня», изданная мизерным тиражом, была приговорена к уничтожению — книгу вывозили в некие тайные места и рубили в ключья на специальных машинах. Тем не менее о романе Владимира и Натальи Евсеевых узнали не только в России: его рукописи хранятся в Гарварде, в Сорбонне, в Оксфорде, на радио «Свобода», в ряде издательств и банков Парижа.

Еще один вираж произошел в судьбе Евсеева, когда он увлекся, а потом серьезно занялся живописью. Сейчас около пятисот картин, подписанных псевдонимом «ВИН» (Владимир и Наталья Евсеевы), находятся в собраниях 12 стран мира, дают возможность авторам не только существовать, но и издавать новые литературные произведения. Евсеевы надеются, что издание «Неизвестного Бродского» — не за горами...

Предлагаю небольшие отрывки из этой книги.

Когда Бродский получил Нобелевскую премию, внезапно обнаружилось, что у него множество внебрачных детей во всех частях света.

— Что-то я вас не припоминаю, мадам, — застенчиво спросил он у очередной соискательницы.

— Да как же вы можете вспомнить, когда вы в горячке читали стихи с эстрады, а я находилась в зале, — заропотавшая, возразила ему дама.

— А... Это от стихов... — разочарованно протянул классик, ощущая вспомоществование.

Веселый московский литератор, живущий в Париже, бойко написал: «Пушкин вбежал в поэзию на тоненьких эротических ножках».

Зять члена Политбюро, возглавлявший газету «Новый русский инвалид», сообщил в вводном слове к публикации: «Криву-

лин лихо въехал в русскую поэзию на инвалидной коляске».

Если бы они занялись такой мелочью, как Иосиф Бродский, то они, наверное, написали бы: «Иосиф Бродский свалился в русскую поэзию с памятника Пушкину».

И были бы абсолютно правы, потому что именно так и было.

И. БРОДСКИЙ Памятник Пушкину*

*...И тишина.
И более ни слова.
И это. Да еще усталость...*

*Свои стихи заканчивая кровью,
они на землю глухо опускались,
потом глядели медленно и нежно.*

* Стихи Бродского печатаются по машинописи поэта.

*Им было дико, холодно и странно.
Над ними наклонились безнадежно
седые доктора и секунданты,
над ними звезды, вздрагивая,
пели,
над ними останавливались ветры.*

*...Пустой бульвар.
И пение метели.
И памятник убитому поэту.
Пустой бульвар.
И пение метели.
И голова опущена устало...*

*В такую
ночь ворочаться в постели приятней,
чем стоять на пьедесталах.*

Кессонная болезнь «шестьдесятников», вкусивших свободу и снова попавших под пресс застоя, — постоянная борьба с неким мифологизированным злом, олицетворяемым аббревиатурой КГБ.

КГБ же, плоть от плоти ЦК ВЛКСМ, на заре своей юности похоронил во Владимирской тюрьме бериевцев, где те объясняли своим сокамерникам-диссидентам: «Зря они нас так плохо используют».

КГБ также провел в те годы реабилитацию.

Затем КГБ по указке либерала Хрущева создал идеологический отдел.

И многие десятилетия кормился от своих благодетелей: поэтов и правозащитников, получая звания, должности и награды за безопасную, непильную работу.

В период перестройки, развратив властью это движение, органы и сами рухнули на колени перед мафиозными группировками.

Были раскассированы и деморализованы.

Это понимают все, имеющие развитый головной мозг.

А кто это не понимает, — пыль на ушах истории.

Рядом с моргом, где работал санитаром Нобелевский лауреат Иосиф Бродский, советская власть в 1924-м поставила памятник. В 1957-м памятник передвинули.

Народ абсолютно не реагировал.

Один Бродский почему-то ярился:

— Поставили, понимаешь, монумент в кепке.

Довлатов возвращался пешком домой из газеты «Знамя прогресса».

Встретил Бродского. Бродский ему обрадовался и опять вернулся к вопросу.

— А главный, Сергей Донатович, этот кепчатый на КГБ указывает...

— Что вы, Иосиф Александрович, — деликатно выдыхая в сторону, возразил ему классик, — это, наоборот, КГБ за ним присматривает*, а левой рукой, обратите внимание, он в сторону морга воровато сигнализирует: там Бродский, там Иосиф!

Помрачнел классик.

В эмиграции опять за свое взялся — отмахал путеводитель «По ленинским местам».

При такой настырности нетрудно получить не то что Нобелевскую, но даже и Ленинскую премию.

Как известно, на суде Бродскому судьей был задан вопрос: «Кто назначил вас поэтом?»

Бродский подумал, помялся и нерешительно ответил:

— Наверное, Бог.

* Гениальный классик намекает, что либеральный КГБ присматривает за экстремистом В.И.Лениным. Идея, освоенная публикой лишь в 1994 году.

— Стоп, — сказала судья. — Заседание закрывается. Назначается психиатрическая экспертиза...

А вчера в программе «Время» видел на богослужении в Елоховском соборе прокурора Куйбышевского района.

Зашел в командировке, и никакой психиатрической экспертизы не боится.

Как радикально меняются времена и прокуроры.

Писатель З. так отозвался о Нобелевском лауреате Иосифе Бродском:

— Ради литературной карьеры Бродский норвил родиться день в день с Александром Пушкиным. Сорвалось.

Тогда стихи написал про А.Пушкина.

Поехал в ссылку. Всего 18 месяцев удалось покрасоваться.

Приговор кассировали, опять сорвалось.

Южный вариант вообще был пресечен в замысле завхозом Лернером (однофамилец пушкиниста).

Ну зато как помер: тютелька в тютельку с пресловутым Александром Сергеевичем.

«Два сапога пара», — горестно закончил писатель З. и попросил на водку.

Вот такие мысли рождаются в головах писателей при горестном известии о смерти Нобелевского лауреата Иосифа Бродского.